

"Дело врачей": "некруглый" юбилей...

Все познается в сравнении. Но занимаемся мы этим, к сожалению, далеко не всегда. Вот и вопрос, который мне недавно задали: как оно там было в далеком марте 1953 года? — заставил всколыхнуться память, задуматься: а как оно теперь, спустя более полувека?

Как одессит я бы сказал, что "между тогда и теперь две большие разницы". Две ли?.. Многое осталось в прошлом, да только отголосков еще хватает. Среди них и те, которые относятся к такому драматическому, а то и трагическому явлению этиополитического, морально-психологического характера, как антисемитизм.

Это всегда страшная беда, не только для судьбы одного народа, а для всей системы межнационального общения и в целом для политического, нравственного климата государства. И когда эта беда набирает силу, то она губительна, провоцирует национальную вражду, этническую конфликтацию, приводит к тысячам и тысячам личных трагедий.

Антисемитизм всегда, особенно в трудные периоды жизни страны, был для советских руководителей надежным средством политического отвлечения, увода сознания людей от многих сложных проблем, переключением на извечно спасительный код "Бей жидов — спасай Россию!". Так было на протяжении всей истории советской империи. И только однажды было сделано исключение. Великая Отечественная война заставила пойти на многие компромиссы, том числе и то отношению к евреям, из-за их во многом значительной роли и ответственного места в борьбе с врагом. Но в послевоенное время и на протяжении всего остального периода жизни советского государства кремлевские руководители по отношению к "еврейскому вопросу" мало чем фактически отличались от своих довоенных предшественников.

Сейчас мы живем не просто в другой стране, в другом обществе, другой жизнью. Говорят, история не повторяется, но она и не забывается. И если бы дело было только в памяти... Отголоски прошлого, отголоски антисемитизма и теперь порой дают себя знать. И пусть это происходит главным образом на бытовом уровне, но и в этом случае они не менее опасны, если их не преодолевать. Этому учит прошлое. Не зря мы сегодня обращаемся к событиям более полувековой давности, которые вошли в историю как "Дело врачей".

В начале 1933 года от Карпат до Камчатки по всей необъятной советской стране прокатилась страшная весть о разоблачении врачей — убийц руководителей партии и правительства. Это была новая, может быть, самая трагическая за все послевоенное время волна антисемитизма. Ей предшествовал целый ряд акций, особенно направленных против творческой интеллигенции еврейской национальности.

Достаточно вспомнить внезапную гибель великого актера Михоэлса, исчезновение московского еврейского театра, аресты среди писавших на еврейском языке писателей, а также печально памятную зловещую кампанию 1949 года по борьбе с "космополитами-антипатриотами", искалечившую судьбу многих людей. Затем последовала в 1951 году борьба с литературными псевдонимами, затеянная, с тем чтобы "разоблачить скрывающихся" свои еврейские фамилии поэтов, писателей, журналистов.

Своего апогея все это достигло в январе 1953 года, когда в печати появилось сообщение ТАСС о врачах-убийцах, вызвавшее в памяти ужасные времена 37-38 годов. Тогда тоже врачей обвинили в убийстве Орджоникидзе, Куйбышева, Горького, а теперь — Жданова, Щербакова. Все это происходило не случайно. Нужен был очередной политический "компенсатор". Страна переживала тяжелейшее время. Холодная война с Америкой крайне обострилась. Послевоенная разруха преодолевалась с большим трудом, наступал и политический кризис.

Сталин в этот последний период жизни уже не мог справиться с ситуацией, в которой оказалась страна. Его действия свидетельствовали о начале распада личности и, прежде всего, выразились в патологической подозрительности, подогреваемой его ближайшим соратником Л. Берия. И это, кстати, роковым образом сказалось и на его личной участи. Дочь Сталина Светлана Алилуева (в книге "20 писем другу", 1990 г.) вспоминает, что когда она видела отца в последний раз, незадолго до смерти, он очень плохо себя чувствовал. "Но врачей, — пишет она, — не было. Виноградов (личный врач Сталина. — **В. Б.**) был арестован, а больше он никому не доверял и никого к себе не подпускал близко. Он принимал сам какие-то пилюли, капал в стакан с водой несколько капель йода, откуда-то брал он сам эти фельдшерские рецепты". Она рассказывает, что за сутки до удара, за которым последовала смерть, он парился в бане. "Ни один врач, — пишет она, — не разрешил бы этого, но врачей не было..."

И вот в этой во всех отношениях крайне напряженной обстановке в стране как взрыв бомбы — "Дело врачей-убийц"! Все, кто привлекался

по нему, — евреи, хотя потом присоединили к ним и несколько русских фамилий, что придало этому "делу" еще более зловеющий характер.

Среди евреев-врачей был даже назван один из самых авторитетных и почитаемых медиков страны — профессор Вовси. Он стал особенно нам всем известен и близок еще в годы войны как главный терапевт Советской Армии, благородя которому были спасены сотни тысяч, если не миллионы советских людей. И вдруг — убийца!

Это было чудовищно. Запомнил я и имя "разоблачительницы" врача Тимошук, которая буквально через неделю после потрясшего всех сообщения ТАСС была награждена орденом Ленина "за помощь в разоблачении врачей-убийц".

Накатилась новая волна антисемитизма, еще более жестокая, чем прежде.

Это был очень удобный повод для взвинчивания настроений поиска виновных в неудачах и недостатках, сведения местными руководителями всякого рода давних и недавних личных счетов, избавления от неугодных и, конечно же, "чистка кадров" не только в медицине, а везде, где евреи еще со времен войны оставались в составе руководства организациями, предприятиями.

Не обошло это и Одессу, хотя по форме, как сейчас принято говорить, протекало более толерантно. Коснулось это и меня, хотя евреем был только мой отец, чью фамилию я носил и ношу, а мать — русская. После службы в годы войны в контрразведке я работал в ЦК комсомола Туркмении, помощником первого секретаря, а после ашхабадского землетрясения 1948 года по моей просьбе вернулся на родину, в Одессу, и был переведен на работу в обком комсомола. Однажды меня по-дружески предупредили, мол, Володя, хоть ты и не совсем еврей, но формально таковой и чуть ли не единственный в Украине на руководящей комсомольской работе, и "нас могут не понять". Так мне пришлось прервать свою "номенклатурную" работу до наступления кратковременной хрущевской оттепели, когда меня вернули на нее, сначала заведомом, ответственным секретарем комсомольской, а затем партийной газеты.

По тому времени вторые, третьи роли были кадровым пределом, как мы тогда шутили, "чертой оседлости для инвалидов пятой графы". О должности замредактора, тем более редактора, и мечтать не смел. И даже после защиты диссертации и перехода в Одесский политехнический институт, где я в 1969 году создал первую в Украине кафедру социологии управления, моя кандидатура по-прежнему оставалась "неудобной" для

руководящей идеологической работы. В течение пяти лет мне пришлось быть только и. о. заведующего этой кафедрой, так как директивные органы никак не могли решить вопрос с утверждением.

Размышляя сейчас о событиях далеких 50-х, я понимаю, что "Дело врачей" было за всю послевоенную историю антисемитизма самой резонансной и жестокой кампанией по своим психологическим и эмоциональным последствиям. В течение января, февраля и первой половины марта 1953 года вокруг этого "дела" царила невероятно гнетущая атмосфера. И это было связано не только с чисткой кадров, триумфом завистников, а еще более — с растущей подозрительностью, недоверием. Всё, начиная с самого определения "врачи-убийцы", было рассчитано на то, чтобы посеять страх перед человеком в белом халате, особенно если у него еврейская фамилия.

Многие, если не большинство, поддались этой провокации, стали опасаться за свою жизнь, и еще больше за жизнь и здоровье своих детей. В поликлиниках, больницах стали избегать врачей-евреев, а то и бросали оскорбительные обвинения им в лицо. Начались увольнения и "добровольный уход" с врачебной работы. И как всегда, у нас — из одной крайности — в другую. Волна антисемитизма стала захлестывать и иные области нашей жизни. Всюду стали искать скрывающихся и не скрывающих свою национальность евреев.

И тут дело уже не ограничивалось только тем, что рядом с псевдонимом, как в 1951 году, в скобках указывали еврейскую фамилию "разоблаченного" литератора. А стали фальсифицировать, приписывать тому, кто был неугоден, еврейское происхождение — русским, украинцам, молдаванам, армянам, со всеми вытекающими последствиями. Это попытались сделать даже в отношении самого уважаемого и любимого, близкого мне, как и всему моему поколению, писателя, поэта и журналиста К. Симонова.

На него тогда в ЦК КПСС поступило письмо от некоего деятеля, который нечестным путем хотел стать членом Союза писателей, в чем ему воспрепятствовал К. Симонов. В том подметном письме указывалось, что К. Симонов как редактор "Литературной газеты" потворствует евреям, там их засилье, и делает это, потому что сам еврей. Он, мол, скрывается под чужой фамилией и на самом деле не Симонов, а Симонович, родился в еврейской семье и приходится сыном шинкарю в имении графини Оболенской, впоследствии взявшей его на воспитание и усыновившей. Это был откровенный поклеп.

Мать К. Симонова была урожденной княгиней Оболенской (графов Оболенских вообще не было) и вышла перед первой мировой войной за-

муж за полковника Симонова. У них родился сын Кирилл, который впоследствии подписывал свои сочинения как Константин Симонов. И это еще не все. Ему в ту пору недоброжелатели пытались приписать и руководство в Москве группой литераторов, которые якобы связаны с "еврейской националистической вражеской организацией "Джойнт".

Слава Богу, весь этот кошмар длился недолго. В начале апреля 1953 года, по сообщению ТАСС, тщательная проверка установила, что привлеченные к этому делу врачи (шел длинный список имен) были арестованы без каких-либо законных оснований, а показания, подтверждающие выдвинутые против них обвинения, были получены путем применения недопустимых приемов следствия.

Эта реабилитация во многом, конечно, устраняла социально-политический накал вокруг "Дела врачей", но вовсе не означала стремления положить конец антисемитизму. Она явилась прямым следствием борьбы кремлевских руководителей за власть после смерти Сталина и, в частности, была использована в устранении самого коварного и опасного политического интригана из его окружения, Л. Берия, возглавлявшего всю систему карательных органов СССР и пытавшегося вопреки желанию остальных членов Политбюро захватить власть. А антисемитизм в его различных и, прежде всего, государственных формах давал себя знать, и нередко очень активно, еще долго, вплоть до распада СССР. А распад — это всегда осколки, которые надо собирать, убирать, уничтожать, а иначе...

Вспоминая и размышляя обо всем этом, невольно думаешь, что уроки истории — это беспощадные уроки жизни, которые нужны и важны не только нам, старшему поколению, а может быть, еще больше — новому, новым, грядущим.

